

Валерий ЗОЛОТУХИН:

ФАНАТЫ ВЫСОЦКОГО

ОБЕЩАЛИ МЕНЯ ЗАРЕЗАТЬ

Павел
ульяшов

Считается, что публичные откровения по поводу личной жизни – удел молодых, стремящихся любой ценой добиться славы. Маститые же артисты в подобных излияниях вроде бы не нуждаются и даже избегают их. Валерий Золотухин – как раз из маститых, известности ему не занимать; а его таланты и профессионализм вряд ли кто-то поставит под сомнение. И тем не менее он сделал то, чего от него никак не ожидали: опубликовал свои дневники, в которых немало весьма интимных подробностей его жизни, описанных порой с откровенно юношеским задором, наивностью и запальчивостью.

– Валерий Сергеевич, вы своей книгой многих удивили. Разве при жизни печатают такие откровенные признания о себе, о близких, учителях, знакомых? Раньше такие дневники публиковались лет этак через пятьдесят после «отплытия» автора...

– Вот именно что раньше, в былые, пури-танские времена. А сегодня времена другие – столько революций свершилось, в том числе и сексуальная, мир стал откровеннее, жестче, демократичнее, мы больше не живем по какому-то аристократическому кодексу – с бретерством и дуэлями. Хотя, может быть, и жаль, что дуэли отменены. К тому же прецеденты подобной откровенности имели место и раньше. Вспомните «Дневник писателя» Достоевского. Или прижизненные «Исповеди» Льва Толстого. Вряд ли Льва Николаевича можно заподозрить в пристрастии к дешевой скандальности. Но он все-таки решился приоткрыть интимные тайны своей жизни, хотя и говорил, что «они слишком ужасны по своей мерзости», и одно время порывался подготовленные к печати дневники уничтожить.

– Но ваша книга изобилует вопиющими противоречиями. То вы клянетесь в вечной любви к супруге Тамаре, то рассказываете свой десятилетний роман с загадочной дамой по имени Ирбис, то вдруг начинаете с нежностью вспоминать первую жену, актрису Нину Шацкую... То отца своего ненавидите, то просите у него прощения. То собой восхищаетесь, то впадаете в полное самоуничижение. Достоевщина какая-то. И потом – эти эпатирующие признания: «Секс мне необходим каждый день»...

– Знаете, я часто вспоминаю слова своей матери Катрены Федосеевны. Она нам, детям, говорила: «Не судите своего отца за то, что касается только нас с ним. Я любила его, хоть он и ушел к другой». Потом, правда, отец вернулся. Кто его знает, чего он искал. Любил женщин, что ж тут поделаешь. В конце концов, женщин любить – не водку жрать. Любовь все-таки прекраснее будет. Так что, может, я в этом смысле в отца пошел.

– А родители серьезно занимались вашим воспитанием?

– Родительская опека, наставления – все это было не для меня. Я рано уехал из родительского дома, из нашей алтайской деревни, ушел в жизнь, неведомую и непонятную таким людям, как мой отец и мать. Старшая сестра Тоня мне чуть ли не с детских лет твердила: «Беги, Валерка, отсюда, беги, брат!» Видимо, чувствовала, что у меня потенциал есть, что я смогу вырваться в другую, «большую» жизнь. Я вырос и учился сам и отвечал за все сам: сам выбрал жену, сам пришел к Богу и дорогу свою проходил без всякой помощи родных и близких. Постепенно приспособ-

бил свой характер к новой жизни и к своей непростой, противоречивой профессии. В этой актерской жизни вообще много такого, что обычному человеку может казаться безрассудством, странностью, ненужными капризами. Но во всем, что происходило со мной, есть внутренняя логика. И с Шацкой надо было развестись, и жениться потом на Тамаре, которая, можно сказать, заново воспитала меня. Я ее мнением, может быть, дорожу больше всего на свете, потому что ей дана настоящая мудрость. Конечно, прошли годы, и страсть вместе с ними прошла. Ужасно больно от этого. Иногда думаю: ну как все вернуть?

– А роман с Ирбис – реальный или это ваш литературный вымысел?

– Наполовину реальный, наполовину сочиненный. Эта женщина в моей жизни действительно была. И роман с ней помог мне, как это ни парадоксально, сохранить семью. Это, может быть, и не просто понять... Видите ли, любого человека, любую семью заедает быт – он может все разрушить. И как раз в момент такой вот усталости от семейной бытовухи я встретил Ирбис. Это помогло мне сначала отвлечься, а потом и переоценить многое, почувствовать, что главные для меня вещи – они все-таки там, в семье. А вообще в моей жизни была лишь одна близкая женщина, которая умела подняться над пошлостью быта. Звали ее Лариса, Лара – как в «Докторе Живаго». Какое счастье, что все-таки не поженились, хотя любовь была сильная. Брак так портит хорошие воспоминания! Нину Шацкую я, конечно, тоже очень любил, от ревности плакал. А что теперь осталось от всего этого?

– Вам известно отношение «Нинки», как вы величаете в дневниках бывшую супругу, к вашим воспоминаниям о ней?

– А нормальное у нее отношение. Она прочла рукопись, улыбнулась понимающе, только одно слово попросила поправить. Не то что ее нынешний муж, Филатов... Вот он ужасно злится.

– Вы так откровенно пишете о своих женах и женщинах, в которых влюбля-

лись. И сами же удивляетесь на одной из страниц дневника: «Выплывала еще одна жена Володи Высоцкого – первая, законная, Изольда. Какой же Владимир был мужик в этом смысле нетрепный, я о ней ничего никогда от него не слышал!» Выходит, вы в отличие от Высоцкого «трепный»?

– Ну что поделаешь, я такой, Владимир – другой. Он и любовниц не просто так бросал, а пристраивал за хороших парней. А я этого не умею делать. Даже досадно как-то. Конечно, я не возражал, чтобы Шацкая, раз уж так у нас с ней случилось, вышла за Ленку Филатову. И человек хороший, и сын мой Денис, опять же, при них. Но и я всегда рядом, если что – всегда помогу. Одного я не желал, каюсь: чтоб дети у них с Филатовым родились. Ну ничего не могу с собой сделать!

– Может, вы просто завистливый человек? Вот вас упрекали в том, что вы завидовали Высоцкому, хоть и были его «лучшим другом», как утверждал сам Владимир Семенович. И роль Гамлета у него пытались отнять...

– Я Высоцкому не завидовал вообще ничуть – и когда он дам по праву первого уводил из компании, и когда Гамлета репетировал. Марина Влади мне не даст соврать. Но это ж наша участь театральная, иерархическая. Пресловутая закулисная жизнь предполагает, что Высоцкому обязательно должны были завидовать. Причем публика уверена, что именно с другими актерами первого эшелона он прежде всего и враждовал. Тут уж никуда не денешься от сплетен. Что касается этой якобы скандальной истории с Гамлетом, так на этот счет в музее Высоцкого есть документ – приказ руководителей театра о моем вводе на эту роль. Никакого интриганства с моей стороны тут не было. Но некоторые фанатичные поклонники Володи грозились даже «поставить» меня «на ножи». Зарезать то есть. Если бы я при жизни делал Высоцкому какие-то гадости, вряд ли бы у меня теперь были такие хорошие отношения с его сыновьями – Никитой и Аркадием.

– Валерий Сергеевич, о вас все говорят, что, оказываясь за границей, вы целыми днями сидите, запершись в гостиничном номере, читаете или корпите над дневниками, ленитесь даже по городу пройтись. Неужели такое возможно?

– Да. Как-то наш Театр на Таганке почти месяц был в Японии, и я там только и делал, что работал над дневниками и читал японский детектив. И должен сказать, что детектив может дать о стране гораздо более глубокое представление, чем иные туристические наблюдения. За три недели всем в нашем коллективе Япония надоела – они уже не хотели больше никаких экскурсий и впечатлений. А я, как и дома, отдыхал, работал, кстати, зарабатывал валюту, с чем в Москве, естественно, напряженка. А что касается всяких там «священных камней» Парикса, Рима или Мадрида, то о них разными умными и талантливыми людьми написано столько, что видеть их уже необязательно. А все мое везде со мной.

Фото Виктора ГОРЯЧЕВА

– И вы, и многие другие не раз писали и рассказывали о том, как Таганка распалась на две половины. Но по сей день до конца непонятно, почему это все-таки произошло. Кто же прав, а кто виноват?

– Ну так уж вам и непонятно! Поясню, опять же, на примере собственной жизни. Когда я уходил от первой жены, жизнь предлагала мне разные варианты. Например, врезать замок в одну из комнат трехкомнатной квартиры и привести туда свою новую беременную жену. Так же вольна была поступить и бывшая супруга – в свою комнату врезать свой замок и жить там с другим мужем. А с дитем по очереди встречались бы у плиты. Люди все взрослые, цивилизованные, как нынче принято говорить, – ужились бы как-нибудь. Но я просто ушел, оставив все первой семье. И, думаю, поступил правильно, по-мужски. А Губенко и компания не просто повернулись и ушли от режиссера Любимова, на которого обиделись. Они захватили новое помещение театра – большое и удобное, оставив истинного создателя и хозяина в старой «малогабаритной квартире». А хуже всего то, что новый театр, театр Губенко, после этого так и не получился. Некоторые говорят, что наша Таганка, старая, умерла. Но и у них новый театр не родился.

– А желания помириться, объединиться не возникает? Может, это вдохнуло бы новую жизнь?

– На одной из встреч какой-то благожелательный человек кавказской наружности сказал нам: «Да возьмите вы большой круглый стол, поставьте хорошие напитки, закуски и начните мирные переговоры!» Да вот что-то такого «большого круглого стола» никак не находится... Я вижу иногда во сне, будто снова мы вместе: Филатов, Губенко, Шацкая, Славина, Демидова... А проснешься, придешь в театр – между нами стена. И самая натуральная, бетонная, и житейская. Давно уже мы в разных мирах. Но вот один сон до сих пор помню. Когда я еще не знал точно, что Филатов тяжело заболел, а только слухи ползли, ночью он мне приснился. Будто он бросает в меня каким-то пшеном – к чему бы?... Я спрашиваю: «Ты ударил меня?» – «Нет». Тогда я сказал: «Леня, извини... Давай помиримся». Знал бы только кто, как я молился за него, за то, чтобы он выздоровел...

– Вы ведь так уверовали в Бога, что даже занялись строительством храма?

– Я в свое время тяжело болел, был практически парализован. И со временем понял, что по собственной воле, без Бога, с постели бы так и не поднялся. И храм действительно строю – на Алтае, где родился. В тридцатые годы у нас в селе мои же земляки разрушили замечательную церковь. Может, и мой отец был среди тех, кто рушил, – я точно не знаю. Вот я и решил, чтоб замолить грехи своих предков, возродить тот храм. И поначалу строительство пошло, очень многие сочувствовали моей идее, я собрал с помощью добрых людей некоторую сумму денег. Уже возвели фундамент церкви, но тут грянула катастрофа – 17 августа 98-го. И все наши деньги обесценились. Переживал я, переживал, а потом решил: все равно своего добьюсь. Обещаю не пить, не курить и мяса не есть, пока не услышу звон колоколов над Быстрым Истоком.

Золотухин Валерий

23.2.2000.